

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH18186-109>



Муслимова Наида Тагировна

к.и.н., младший научный сотрудник

Институт истории, археологии и этнографии

Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия

mus-nt@yandex.ru

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИНТЕГРАЦИИ ДАГЕСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ В ПОЛИТИЧЕСКУЮ СИСТЕМУ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ДАГЕСТАНЦЕВ

Аннотация. В статье с использованием современных наработок в историографии, социологии, политологии, документальных источников: архивных материалов, периодической печати, мемуаров, воспоминаний; применяя принципы историзма, методов сравнительно-исторического, сравнительно-правового анализа исследована политическая культура дагестанских народов, объединенных после окончания Кавказской войны в административно-территориальных границах Дагестанской области Российской империи (1860–1921 гг.). Цель работы – дать характеристику базовым ценностно-нормативным установкам, убеждениям, политическим ориентациям и образцам политического поведения дагестанских народов как субъектов общеимперского политического, экономического и культурного процесса, проследить как сохранение традиционных исторически сложившихся правовых норм (адата и шариата) и сельской общины как основного структурного элемента дагестанского общества способствовало жизнеспособности и устойчивости новой политической системы и, одновременно, как динамика социально-экономического и культурного развития новой общественно-политической общности и связанные с ней процессы адаптации и приспособления социокультурных традиций к общественно-исторической реальности отразились на политической культуре дагестанцев. Исследование показало, что несмотря на изменение форм взаимодействия власти и общества, появление и функционирование новых общественно-политических институтов и концепций общественно-политического устройства, ко времени Октябрьской революции и Гражданской войны (1918-1921 гг.), политическая культура большинства дагестанцев в своих основных ценностно-нормативных установках и образцах политического поведения сохранила традиционные черты и ориентации – принадлежность к сельской общине и адату и шариату как нормам регуляции общественной жизни.

Ключевые слова: Дагестанская область; политическая культура; общеимперская идентичность; адат; шариат; имперские законы; социокультурные традиции и трансформации; российские революции начала XX века; дагестанская интеллигенция; политические ориентации.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH18186-109>



Naida T. Muslimova
Cand. Sci. (History), Junior Researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia
mus-nt@yandex.ru

SOME ISSUES OF DAGESTAN'S INTEGRATION INTO THE POLITICAL SYSTEM OF THE RUSSIAN EMPIRE AND POLITICAL CULTURE OF DAGESTANIS

Abstract. The paper is based on modern approaches of historiography, sociology, political science, documentary sources: archive materials, periodicals, memoirs. Applying the principles of historicism, methods of comparative-historical, comparative-legal analysis, we have examined the political culture of the Dagestan peoples, united after the Caucasian War within the administrative-territorial borders of the Dagestanskaya Oblast of the Russian Empire (1860-1921). The paper aims to assess the basic norms and values, beliefs, political orientations, and standards of political behavior of the Dagestan peoples as subjects of the common political, economic and cultural process; to trace how the preservation of traditional historical legal provisions (Adat and Sharia law) and rural community as a main structural element of the Dagestan society contributed to the viability and stability of the new political system and, at the same time, how the dynamics of the socio-economic and cultural development of the new socio-political community and the processes of adaptation of socio-cultural traditions associated with it to the socio-historical reality were reflected in the political culture of the Dagestanis. The study demonstrates that despite the change in the forms of interaction between power and society, the emergence and functioning of new socio-political institutions and concepts of the socio-political structure, by the time of the October Revolution and the Civil War (1918-1921), the political culture of the majority of Dagestanis in its main values and patterns of political behavior has retained its traditional features and orientations – belonging to a rural community and Adat and Sharia as norms for regulating public life.

Keywords: Dagestanskaya Oblast; political culture; common imperial identity; Adat; Sharia; imperial laws; sociocultural traditions and transformations; Russian revolutions of the 20th century; Dagestan intelligentsia; political orientations.

Завершение военных действий на Северо-Восточном Кавказе в августе 1959 г. поставило перед российскими правящими кругами актуальный вопрос о формах и методах управления дагестанскими народами. Николай I определял цели имперской политики на Кавказе, которых самодержавие придерживалось до своего падения в 1917 году, следующим образом: «Я желаю слить его (Кавказский край. – прим. Н.М.) всеми возможными мерами с Россиею, чтобы все составляло единое целое».

Российские правящие круги вполне осознавали, что объединение народов Дагестана вокруг верноподданнических идей сплочения царя и народа, обеспечение спокойствия в крае, достижение лояльности населения к проводимой политике будет осложняться приверженностью населения традиционным формам общественной жизни. «Главный интерес России – связать разноплеменной край с империей, всякое нововведение, изменяющее вековые обычаи, чрезвычайно трудно..., поэтому надо действовать с большой осторожностью. Насильственные меры не принесут добра, но могут иметь дурные последствия», писал кн. Воронцов [1, с. 142].

«Разнородность племен, населяющих Кавказские горы, их разобщенность и особенности, резко отличающие одно племя от другого, не могли быть подчинены на первых порах общим правилам нашей администрации, которая по своей сложности не могла бы согласоваться ни с их понятиями, ни с их нравами и обычаями; а потому по указанию В.С. составлено положение об управлении Дагестанской областью и Закатальским округом, в котором военное управление соединено с гражданским и народными установлениями горских племен [2, с. 1371].

5 апреля 1860 г. была создана Дагестанская область с системой управления, получившей название «военно-народной», вся власть в области – административная, хозяйственная, финансовая и военная – сосредотачивалась в руках начальника области (позже военного губернатора), а во внутренней жизни сохранялась в модифицированном виде сельская община как единый хозяйственный и общественный организм, регулируемый традиционными для дагестанцев правовыми системами обычного права (адат) и мусульманского права (шариат).

Административно-территориальное деление области было осуществлено без учета экономической целесообразности и особенностей территориального размещения дагестанских народов. Одни дагестанские народы были искусственно разделены, другие соединены [3].

Необходимые для отгонного животноводства зимние пастбища и огромные земельные угодья находились в Хасавюртовском округе, который входил теперь уже в Терскую область. Горцам приходилось перегонять скот на десятки и сотни километров в Закавказье и в Северный Кавказ [4, с. 114].

Новая модель управления дагестанскими народами, как впрочем и любая административная система, была далека от совершенства, но при этом мы согласимся с теми исследователями, которые считают, что «военно-народное

управление» в тех конкретно-исторических условиях было наиболее оптимальной административной системой, поскольку дагестанцы получили «более или менее понятную им форму правления» [5, с. 128-129; 6, с. 65–66; 7, с. 117].

После окончания Кавказской войны и присоединения Северного Кавказа к Российской империи царская власть проводит в Дагестанской области ряд реформ, которые должны были адаптировать новую административную модель с «существующим строем остальной части России», переживавшей в это время противоречивые процессы эволюции самодержавия, связанные с либеральными реформами 60-х годов XIX в.

До образования Дагестанской области политическая структура Дагестана была представлена феодальными владениями и «вольными обществами» с различным общественно-политическим статусом. Изменившаяся политическая обстановка позволили царской власти перейти от всемерной поддержки дагестанских владетелей, лояльность которых в условиях войны была важным условием успеха в восточной политике Российской империи, к ликвидации ханств, «как чужеродного элемента в общероссийском государственном механизме» [8, с. 122].

Ликвидация власти феодальных правителей, которая была оформлена как «добровольный отказ» от властных полномочий, вызвала необходимость организации системы сельского управления. Царская власть, создавая систему сельского управления, сохранила традиционное деление на сельские общества, местное самоуправление, поставив его под свой строгий контроль. Сельское управление в Дагестане составляли сельский сход (*джамаат*), сельский старшина, сельский кадий и сельский суд. Сход избирал сельских должностных лиц и сельского кадия с последующим утверждением их военной администрацией.

Результатом административной реформы, проведенной в Дагестанской области, было разделение на 9 округов: Аварский, Андийский, Гунибский, Даргинский, Казикумухский, Кайтаго-Табасаранский, Кюринский. Самурский и Темирханшуринский. Для приближения новой власти к местному населению округа были разделены на более мелкие административно-территориальные образования – наибства. Такая ступень управления существовала в начале XVIII в. в Дербенстком ханстве и позже в имамате Шамиля. В 1868 г. в Дагестанской области насчитывалось всего 46 наибств [4, с. 102–124].

Так как округами руководили исключительно царские офицеры, то на этом уровне управления предлагалось привлекать «людей, способных, заслуживающих доверия у дагестанского народа», по большей части это были люди, прежде находившиеся на службе у Шамиля и имевшие определенный опыт управления населением. Такая практика назначения имела место до восстания 1877 г., когда многие наибы перешли на сторону восставших. Председатель Кавказского комитета писал: «Многие дагестанские наибы не всегда бывают в состоянии обнаружить то беспристрастие и ту независимость, которые требуются от представителей администрации. Такие наибы всегда более склонны поддерживать местную обособленность, память о которой еще жива в населении» [4, с. 147].

Царские власти в управлении Дагестанской областью пытались противопоставить обычное право, как инструмент правовой регуляции общественной жизни каждой отдельной общины, шариату, считая, что адат может «ослабить действие шариата, а с ним парализовать силу мусульманского духовенства, ... всегда представлявшего один из главных тормозов в деле умиротворения края» [9, с. 35], «... адаты и вытекающие из них сельские управления служат нам твердой опорой в предстоящей нам надолго еще тайной борьбе за влияние на народ со здешним мусульманским духовенством» [10, с. 243–244]. Официальным руководством для народных судов должны были служить изданные царским правительством в 1868 г. «Постановления Кайтагского уцмья Рустем-хана», опубликованные А.В. Комаровым «Адаты и производство по ним», материалы по обычному праву горцев, подготовленные профессором Ф.И. Леонтовичем. В 1899 г. отдельным изданием вышли в свет «Адаты», под редакцией И.Я. Сандрыгайло [1, с. 151]. В результате судебной реформы процесс и право по всему Дагестану были несколько унифицированы.

Необходимость частичного допущения кадия в состав управления, диктовалась «нежеланием создавать оппозицию» своей власти со стороны духовного авторитета в недрах джамаата.

Но на протяжении существования Дагестанской области ни одна из традиционных систем не смогла вытеснить другую, поскольку в правосознании дагестанцев сложился правой синкретизм, горцы воспринимали адат как «неотъемлемую часть шариата» [11]. Традиционные правовые системы пронизывали все сферы общественной жизни дагестанцев, обеспечивая порядок и политическую стабильность.

В результате судебной реформы в Дагестанской области была выстроена вертикаль судебной власти. Население Дагестанской области в судебном отношении было причислено к Тифлисской судебной палате и Бакинскому окружному суду. В городах области были созданы мировые отделы, как в качестве суда первой инстанции, так и в качестве апелляционного суда. Население Дагестана, находящееся в ведении «военно-народного управления», было подсудно Дагестанскому народному суду и девяти окружным словесным судам, где дела разбирались по адату, и гарантом соблюдения постановлений адатных судов вместо сельских обществ горцев, местных беков и ханов выступало Российское государство, а низовыми органами судебной и законодательной власти для местного мусульманского населения – единые сельские словесные суды. В отличие от дореформенной эпохи решения сельских судов не были окончательными, они могли быть обжалованы в месячный срок в окружных народных судах. Апелляционной инстанцией для окружных судов стал Дагестанский народный суд [12, с. 43].

Таким образом, нормативно-правовое регулирование общественной жизни в Дагестанской области строилось на основе и взаимосвязи норм обычного права (адат), шариата и общероссийских законов.

Объединение в рамках Дагестанской области народов, которым были «присущи базовые характеристики историко-культурной общности, однотипность социальной организации и структуры, единые основы этничности и гражданственности», способствовало их политической консолидации, стало новым этапом в их общественно-политическом развитии [13, с. 441].

Форсированное преобразование дагестанского общества на основе общероссийских моделей, не совмещающихся с местной системой ценностей, вступавших в противоречие с исторически сложившимся мироощущением и политическими традициями, вызвало поощряемое царским правительством переселение в Османскую империю. Среди покинувших родную землю было немало ученых, богословов, военачальников, которые успешно интегрировались в общественную жизнь Турции. Среди них можно назвать имена религиозных деятелей шейхов Омархаджи Зиявудина Дагестани, Шарапудина Дагестани, Сейид Ахмед ал-Руккали, ученых Мурад-бея Мизанжи, Ахмеда Саиба Дагестанлы (Капланова), поэта-сатирика Дагестанлы Дехри [14, с. 759].

Другая часть национальной интеллигенции осознавала «бесперспективность и пагубность последствий переселения для судеб Дагестана». Широкое распространение имело обращение всадника Дагестанского конного полка Гусейнова Алхаса на аварском языке («Наставление моим братьям по вере», в котором он предостерегал горцев от переезда в Османскую империю [15; 16, с. 756].

«Не только ревностные приверженцы шариата, но и рядовые уздени, привыкшие жить и быть лично свободными, воспринимали завоевание Дагестана, немедленные административные реформы царских властей, появление военных крепостей, гарнизонов, бюрократических и полицейских учреждений, заселение края колонистами как угрозу их вере и будущему их семейств» [17, с. 33].

В разных частях Дагестана, по разным причинам вспыхивали против восстания против царской администрации. Самое крупное восстание произошло в 1877 г. и было жестоко подавлено. Около 300 наиболее активных лидеров восстания повесили на глазах специально собранных для этого жителей. Были высланы в отдаленные регионы России около 3 тыс. человек с семьями [10].

Восстание 1877 г. и жестокость, с которой оно было подавлено, оставили свой след в общественном сознании дагестанцев. В начале 1917 г. поэт Курди Закуев, участник дагестанского просветительско-агитационного бюро», написал стихотворение «О благодетельстве», в котором, представляя свободу личности, как высшую ценность, упоминает и участников восстания 1877 года.

*Сколько узденей ради тебя вытерпели
Невзгоды чужбины и голод тюрьмы?
Сколько фиданов из-за любви к тебе
Оказались сосланными в золотые рудники Сибири*

Оценивая правление Александра III и его политику контрреформ, современные историки ставят ему в вину отсутствие продуманной политики в национальном вопросе: «национальный вопрос категорически не решался, а загонялся внутрь». Задачи стабилизации экономической и финансовой системы и реформирование России, как писал В. Ключевский «в духе христианских правил», привели к политическому курсу на нивелирование национальных особенностей в управлении национальными окраинами.

Само существование Дагестанской области было поставлено под угрозу. Министр финансов в целях экономии предложил ее упразднить, а ее территории разделить между соседними областями и губерниями. «Возобладала точка зрения, согласно которой Дагестан делить нельзя, потому что он представляет единое целое в экономическом, культурном и географическом отношении. Кроме того, отмечалось, что, поскольку дагестанцы воинственны и еще не остыли от многолетней Кавказской войны, их легче контролировать, когда они вместе, а не разбросаны по разным губерниям и областям [18, с. 15].

В этот период был усилен административный контроль структур местного самоуправления – отменялась выборность старшин, они стали назначаться царской администрацией [19, с. 108].

Ограничения местных особенностей в сфере управления проявились и в изменении терминологии. Царское правительство в лице Кавказского комитета в 1882 г. посчитало «более соответственным называть наибо просто участковым начальником или приставом. Нет никаких оснований сохранять в Положении это татарское название. Совершенно справедливо называть должности сельского управления соответственно тому, как оно называется в общих законах империи», в 1899 г. наибства были ликвидированы и преобразованы в участки [20, с. 85].

С 1883 г. в связи с преобразованиями в системе «военно-народного» управления должность начальника области была переименована в должность военного губернатора [21, с. 172].

Под влиянием политических процессов начала века, русско-японской войны, революции 1905 г. и в условиях нарастающей дестабилизации на Кавказе в феврале 1906 г. указом императора Николая II было восстановлено Кавказское наместничество. В феврале 1907 г. И.И. Воронцов-Дашков представил программу реформ на Кавказе, которая охватывала широкий спектр преобразований практически во всех основных сферах жизни народов Кавказа. Основной задачей программы было умиротворение Кавказа, ее опорные пункты консолидировались вокруг земельного и национального вопросов. И в решении этих вопросов Наместнику важно было сохранить равновесие между общегосударственной пользой и обеспечением интересов нерусского населения Российской империи, улучшения экономического положения населения, развития его духовных сил.

Решение аграрного вопроса в Дагестане, где в сельской местности проживало около 93,5% населения, для царской власти осложнялось необходимостью

сочетать решение общеимперских проблем модернизации государства с местными политическими, экономическими, социальными и религиозными особенностями.

Проведение аграрных преобразований в той форме, в какой они были проведены в 60-х годах, несомненно облегчили царской власти в условиях ликвидации традиционных форм властвования управление Дагестаном и сформировали слой «влиятельных туземцев, существенно заинтересованных настоящим порядком, и эта часть населения составляет нашу опору, всегда остающуюся на стороне спокойствия и в случае нарушения оно готовую подавить партию беспокойных людей и увлеченного ее населения» [22, с. 240]. Но одновременно они заложили зерно конфликтности в решении земельного вопроса в будущем. Земля была распределена очень неравномерно. К примеру на Кумыкской плоскости 166 бывших владельцев получили 186311 десятин земли, а 7122 двора, составлявших около 30 тыс. человек зависимого населения, 203123 десятины [8, с. 132] и владело им на правах частной собственности, а бывшее зависимое от них население получило землю на правах общинного землепользования. В фонд казны были отобраны 20 тыс. десятин лучшей земли, ею распорядилась кавказская администрация. Правительство сохранило зависимость раятов и свободных узденей от беков и чанка (члены семей владельцев), которые получали в управление их села и платили за это определенные бекские повинности, которые преподносились как традиционные, адатные и при этом узаконивались, соответствующими «бумагами».

С конца 90-х годов XIX в. расширение рыночных связей внутри Дагестана и развитие каспийского пароходства в связи со строительством железной дороги стимулировало развитие товарно-денежных отношений в хозяйстве области. Рост товарности сельскохозяйственного производства и торгового земледелия обусловил расширение аренды земли, особенно на плоскости. Феодальные формы землевладения постоянно сокращались, росло бессловное землевладение. Часть феодальной земли переходила в руки сельской буржуазии, торговцев, купцов, промышленников. Многие беки закладывали свои земли под ссуды банкам и частным лицам. Нередко заложенные имения за неуплату долга продавались с торгов [8, с. 268–269].

Царская власть на Кавказе пыталась административными мерами препятствовать распространению общеимперских хозяйственных и правовых институтов в земельной сфере. Их главной своей целью было не экономическое развитие края, а сохранение спокойствия в нем в сложной общественно-политической обстановке, и особенно в годы войны, когда Дагестан из-за открытия военных действий на Кавказском фронте стал стратегически важной территорией.

Военный губернатор Дагестанской области в своем предписании от 27 сентября 1901 г. писал: «При решении поземельных споров в Дагестане следует иметь речь только о праве пользования, а не правах собственности» [23, с. 178]. По определению общего Собрания отделения Бакинского окружного суда

от 31 мая 1903 г. нотариусы и мировые судьи не имели права заверять сделки по землям и недрам Дагестанской области¹. Тем не менее, в документах Канцелярии Дагестанской области часто отмечались случаи коллизий прав исполнительной власти начальников участков, судебных приставов и решений народных судов, которые «профанируют власть в глазах населения»².

Для «разрешения коллизий» предлагалось признать возможным мировым судьям Дагестанской области принимать к своему рассмотрению иски об изыскании недвижимого имущества должников только в том случае, если кредиторами будут предоставлены крепостные о принадлежности означенных имуществ должников на праве собственности³. Осложняло ситуацию и то, что в области приходилось принимать во внимание молчаливое согласие должников на продажу судебными приставами крупных земельных угодий за незначительные долги⁴. Так, в июле 1913 г. Судебным приставом Петровского мирового отдела продавался участок земли в 789 десятин под названием «Мугурчак», принадлежащий Умужат-бике Тарковской для удовлетворения долга в сумме 210 руб. портнихе Софье Пилицкой⁵. Для сравнения – ежемесячное жалованье депутата I Государственной Думы (1906 г.) – 350 руб.

В горной части Дагестана, в джамаатах, к этому времени происходит нивелирования заложенных в адатах (обычном праве) принципов равного представительства, участия, получения равных имущественных прав и возможностей [24, с. 82]. В этих условиях, как свидетельствуют документы, царская администрация в вопросах выбора между интересами индивида и общества отдает предпочтение интересам общества, становясь на сторону адата, чтобы «все общественные земли не перешли руки в *недобросовестных* (курсив наш. – М.Н.) односельцев»⁶. В феврале 1905 г. общество Кижали воспретило жителю села продажу участка принадлежащей ему земли. При этом мнение депутатов суда разделилось на три части: два голоса, в том числе кадий суда, считали, что участок может быть передан в другие руки, с условием, что новый владелец может приобрести землю без права последующей продажи; два депутата отказали истцу в праве продажи участка; два депутата выступили за безусловное право владельца распоряжаться своей землей⁷. Решение по этому конкретному делу демонстрирует, во-первых, противоположные мнения по вопросу общинного землепользования, во-вторых, определенную степень прагматизма, способности приспособливаться к создавшимся условиям, защите индивидуальных членов общины, со стороны дагестанских религиозных деятелей. Такая позиция духовенства вполне объяснима,

1 Переписка военного губернатора Дагестанской области с Наместником Кавказа // ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 2. Д. 79 а. Л. 1-10б.

2 Переписка ... // ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 2. Д. 79 а. Л. 9-об.

3 Переписка ... // ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 2. Д. 79 а. Л. 15.

4 Переписка ... // ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 2. Д. 79 а. Л. 17.

5 Там же.

6 Переписка ... // ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 4. Д. 71. ЛЛ. 1-17.

7 Переписка ... // ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 4. Д. 4. ЛЛ. 190б-20.

если учесть, что шариат, считал мюльки, принадлежавшие узденям, их частной собственностью, которые могли быть проданы, подарены, завещаны.

В начале XX в. в области появляются учреждения государственной кредитной помощи крестьянам, ремесленникам, мелкой промышленности, было создано специальное Управление по делам мелкого кредита. В 1906 г. в г. Темир-Хан-Шуре был образован Дагестанский областной комитет по делам мелкого кредита. В 1913 г. в комитет входило 12 кредитных товариществ с суммой основного капитала 21915 руб., к концу 1915 г. их количество возросло до 28.

Либеральная часть дагестанской интеллигенции, чье мнение выражали «Заря Дагестана» и «Мусульманская газета», приветствовала появление этих учреждений в Дагестане, считая, «что мелкие кредитные учреждения завоюют в Дагестане всеобщие симпатии и проникнут во все темные уголки его, охватывая все больший и больший круг сельского населения и его деятельности в области труда» [25, с. 379]. В статье «Дагестанское земство и его задачи», опубликованной в «Дагестанских областных ведомостях» в 1910 г., выражая мнение дагестанской администрации по вопросу о введении земства в Дагестанской области, автор писал, «что Дагестану не нужно новых территориальных делений и самого окружного земства, расширение прав по изданию обязательных постановлений, заключению займов и установлению натуральных повинностей. Дагестану необходимы хлеб и умение его добывать»⁸.

С. Габиев, критикуя систему военно-народного управления и горский адатный суд: «Мы, горцы, вместе с «адатным судом» потеряем как будто нечто лестное для нашего самолюбия, но эта потеря должна будет вознаградиться тем, что на месте сумбура, брака «адатов», сопрягаться они будут с положениями российской администрации, нам будут даны юридические нормы культурных народов» [25, с. 352].

Расширение сферы применения общеимперских законов в условиях формирования рыночных отношений обнаружило, что ничем не ограниченная игра рыночных сил отнюдь не обеспечивает гармонию и справедливость.

Только в исключительно трудных обстоятельствах горец решался на продажу своего земельного участка, преодолевая вековую приверженность к мюльку, нередко являвшегося символом почитания памяти предков [8, с. 286].

В газете «Дагестанские ведомости» в из номера в номер печатались объявления о аукционных торгах на имущество. В номере за 3 июня 1916 г. мы находим сообщения об аукционных торгах на имущество, принадлежащее жителям сел Бацада и Мегеб, в которое, в том числе, входили и пахотные поля. Общая сумма исков составляла 679 руб.

Увеличение численности сельского населения, разрушение устоявшихся форм землепользования и стремительные перемены в аграрной сфере, изменения в налоговой системе требовали новых форм регуляции отношений сельских обществ с беками, и тех, и других с казной, отношений отдельных сельских обществ [8, с. 269].

⁸ Дагестанское земство и его задачи // ЦГА РД. Ф. 7. Оп. 1.

Юридическим лицом, владевшим землей в Дагестанской области, как и в целом в Российской империи, являлась сельская община. Развитие законодательства в условиях низком уровня знания русского языка и правовой беспомощности населения привели к появлению в области, по аналогии с общеимперской земской культурой, нового социального института - присяжных поверенных.

Как свидетельствуют архивные документы, предметом спора, как правило, были зимние и летние пастбища, леса и недра, источники воды, которые владельцы активно сдавали в аренду. Угодья, особенно зимние и летние пастбища и леса, которыми по адату сельские общества и феодалы пользовались совместно, после реформы, как мы отмечали выше, оказались в исключительном ведении беков и чанка. Так, в 1905 г. поверенные села Атлынбоюн предприняли попытку переоформить общественный пахотный участок «Кокрек» размером в 1029 десятин, которым владел князь Тарковский, в пользу общества. «Выбрали поверенных, собрали деньги, стали судиться. Долго ходили по канцеляриям, по судам. Только ничего не вышло – у них были бумаги, а у нас нет». Послали поверенных в Тифлис, получив отказ, общество решило взять землю силой. Бунт был подавлен с помощью воинских частей, но волнения продолжались. В качестве компромисса на общество было оформлено 380 десятин земли. Общество не согласилось и опять возобновило спор. В том же году Таркинскому обществу отвели участок леса в 1000 десятин⁹.

Под влиянием аграрных выступлений и «для прекращения сей неслыханной смуты, восстановления тишины и мира на родной земле» правительство пошло на определенные уступки обществам и ряд споров между обществами и беками был решен в пользу первых [8, с. 262].

И позже, вплоть до февральской революции, институт поверенных активно привлекался для урегулирования отношений не только между беками и общинниками, но и по результатам столыпинской реформы по поводу использования хуторов и форм их аренды внутри общины.

Как показывают исследования, очень сложно в области проходила работа по межеванию земли между обществами, такая работа проводилась лишь под охраной военных [26, с. 114].

Зачастую стихийные и неорганизованные аграрные выступления в Дагестане приобретали особенно острый характер в тех округах, где сохранялись зависимые отношения раятов и зависимых узденей, требовавших освобождения [27, с. 251].

Правительство осознавало, что такое «натянутое между беками и их раятами состояние не может продолжаться долго» [8, с. 219]. По принятому в 1913 г. закону «О прекращении зависимых отношений поселян Дагестанской области и Закатальского округа к бекам и кешкевладельцам» раяты и зависимые уздени должны были выкупить свои повинности бекам, выкупная

9 Дагестан в 1905 году // Красный Дагестан. 29 декабря 1925 г.

сумма определялась по каждому селению отдельно. В результате реформы 1913 г. 70 тыс. крестьян из 95 селений были освобождены от податей и повинностей в пользу беков [8, с. 271].

В это время в стране уже появились общественно-политические объединения, которые предлагали, альтернативные правительственному варианты решения земельного вопроса. Кадеты и российские социал-демократы предлагали решение аграрного вопроса по принципу: вся земля без выкупа и вознаграждения должна перейти к крестьянам.

Начальникам округов и податным инспекторам Дагестана было поручено выяснить существующие повинности крестьян бекам по каждому селению и перевести в денежный эквивалент, размер повинностей должен был быть приведен в соответствие с количеством земли. Реформа привела к появлению в Дагестане института мировых посредников в количестве 20 человек и Дагестанского областного присутствия по крестьянским делам, в задачу которых входило урегулирование споров и жалоб, возникающих в процессе ее практической реализации [8, с. 270].

В отдельных случаях размер выкупных платежей превышал в денежном выражении отменные повинности. Например, сумма выкупных платежей узденей сел. Кадар по решению мирового посредника от 27 марта 1914 г. превышала во много раз сумму, которую они должны были выплачивать своим бекам и чанка, установленную в 1904 г. Темирханшуринским окружным судом¹⁰.

Нередко крестьяне десятков селений направляли совместные жалобы в различные инстанции, вплоть до царя. Неслучайно участники антиписарского движения в 1913 г. требовали удаления не только писарей, которые должны были выполнять и роль податных инспекторов в сельских обществах, но и мировых посредников, «под контроль которых царская власть ставила дагестанский аул» [8, с. 281].

Проведенная в рамках общеимперской политики модернизации экономических отношений реформа в Дагестанской области усилила градус напряженности в вопросах землепользования, перенаправив его в сторону государственной власти.

С падением самодержавия, которое вызвало «перераспределение привилегий и дискриминации, богатства и бедности, силы и бессилия, свободы и зависимости», уже беки призывают власть защитить их права. В декабре 1917 г. жители сел. Мугатыр Кайтаго-Табасаранского округа требовали от арендаторов вносить плату не владельцу кутанов, а обществу. Рашидбек Табасаранский обратился в Дагестанский областной исполком «во имя справедливости вернуть кутаны, которыми мы владели по наследству в продолжении многих столетий и которые являлись единственным источником доходов для семьи из 22 человек, или же предоставить нам другой

¹⁰ Переписка ... // ЦГА РД. Ф.2 Оп.4. Д.4. ЛЛ.190б-20.

жизненный источник». И далее владелец пишет: «полагая, что в задачу свободного народа не входит превращать некоторых из своих граждан в нищих»¹¹.

Кавказская администрация, в лице И.И. Воронцова-Дашкова, в выборе направления своей политики в Дагестанской области между общегосударственной пользой и обеспечением интересов местного населения склонялось в сторону создания стабильной системы управления, учитывая геополитическое положение области. Учитывалось, что «жесткий курс» может спровоцировать открытие Кавказского фронта и привести к революционному взрыву. Такое мнение подтверждается анализом, во-первых, цифр недоимок по Дагестану, во-вторых, упреками председателя Совета Министров Столыпина в письме И.И. Воронцову-Дашкову, в котором тот отмечает бездействие и беспомощность местной администрации ... в реализации широких полномочий и неспособности в полном объеме использовать возможности репрессии по отношению к нарушителям порядка [28, с. 235].

Оценка политики Кавказского наместника, данная П.А. Столыпиным, в общих чертах совпадает с ее характеристикой в советской историографии: «сохранение в течение длительного времени феодальных отношений, невыясненность правовых основ землевладения и землепользования, а также отсутствие всякой работы по размежеванию земель служили тормозом на пути развития экономики области» [8, с. 236].

В третьих, в пользу нашего вывода, можно привести и слова профессора Р.М. Магомедова о том, что в памяти дагестанцев «никтолай замана», годы до революции остались как самые спокойные и благополучные» [5, с. 78].

Русско-японская война и революционные события 1905 г. подвели царское правительство к пониманию необходимости «открыто и с полным доверием к общественным силам» идти навстречу наиболее назревшим вопросам ...» [29, с. 122-123].

«Кавказский вестник» в 1902 г. писал «когда, наконец, у нас станет аксиомой, что органическая связь окраины с центром создается и поддерживается не только общностью экономических интересов, но и сознанием у туземцев окраины своей равноправности с природными русскими и обеспеченности интересов высшего порядка» [30, с. 206].

Дагестанская интеллигенция приняла активное участие в обсуждении общественных проблем и перенесла ее в публицистическую среду периодической печати. Демократизация общественной жизни в начале XX в., подъем общественно-политической активности дагестанской интеллигенции усилили в крае интерес к издательской деятельности, в области стали открываться типографии. Помимо официальных изданий «Дагестанские областные ведомости» (1909) и «Обзоры Дагестанской области» печатались газеты «Дагестан», «Дагестанский вестник», «Джаридат Дагестан». В Петербурге Саид Габиев издавал «Мусульманскую газету» и газету «Заря Дагестана». Дагестанские

¹¹ Обращение Рашидбека Табасаранского // ЦГА РД. Ф. 8. Оп.3. Д. 252. Л.2.

просветители печатались в газете «Кавказ». После Февральской революции стали выходить в свет печатные издания сменяющих друг друга органов и власти и отдельных общественно-политических сил: «Время», «Вольный горец», «Вестник Дагестана», «Вестник Горской республики».

Дагестанская публицистика отражала широкий спектр взглядов и мнений, порой прямо противоположных, на современные проблемы и историю дагестанских народов. Например, по вопросу о переселенческом движении мусульман Кавказа в конце XIX – начале XX в. в вышедшем на аварском языке в 1905 г. сочинении шейха, мухаджира Мухаммада-хаджи Кикунинского и в статье ученого-богослова, представителя мусульманского просветительства Али Каяева, опубликованной в 1913 г. в газете «Джаридат Дагистан», высказываются противоположные мнения и оценки [31, с. 52; 32, с. 71].

С присоединением Дагестана к России в духовной жизни дагестанцев прослеживаются две линии развития «внутренняя» – воспринимаемая как местная арабо-мусульманская традиция и «внешняя», связанная с влиянием России. З.Г. Казбекова отмечала, что русская экспансионистская традиция, безусловно, расширяла и обогащала системы национальных культур, вместе с тем, они представляли подсистемами более сложного европейского единства, где русская культура уже приобретала функции посредника. Для дагестанцев «Петербург стал новым Багдадом» [33, с. 641].

Дагестанская интеллигенция XIX в. получала образование в гимназиях и университетах Ставрополя, Харькова, Киева, Москвы, Петербурга, Москвы, университетах Европы – Сорбонне, Геттингенском, Варшавском институте сельского хозяйства и русский язык, русская культура, общественная мысль России становились неотъемлемой частью их деятельности. Среди них можно назвать У. Буйнакского, М. Дахадаева, Г. Саидова, М. Далгат, С.-С. Казбекова, М. Хизроева, А. Тахо-Годи, З. Батырмурзаева. Русский язык, русская литература, общественная мысль России становились неотъемлемой частью их деятельности. Благодаря прогрессивным идеям, исходившим из России, укреплялось и чувство собственного национального самосознания [33, с. 642].

Влияние русской и европейской культуры испытывала не только светская интеллигенция, но и представители мусульманского духовенства, прошедшие арабскую школу через общую в пределах единого государства историческую, социально-экономическую и идеологическую действительность, и которые составляли наиболее многочисленную прослойку дореволюционной интеллигенции Дагестана [34, с. 141].

В 1906 г. в Темир-Хан-Шуре области была создана благотворительная организация «Общество просвещения туземцев-мусульман Дагестанской области». Общество ставило перед собой задачу приобщения дагестанского населения к европейской культуре с сохранением коренных основ его жизни и быта, как религиозных, так и общественно-нравственных, и тем облегчить его сближение с великим народом, с которым его тесно связала судьба [35, с. 1]. Одну из основных причин невежества народов Дагестана представители мусульманского

просветительства видели в устаревших методах обучения подрастающего поколения и предлагали реформировать традиционное мусульманское образование с учетом новых реалий [36, с. 118].

В начале века мусульманская интеллигенция стала активно использовать периодическую печать для пропаганды исламских и светских знаний на арабском языке. В типографии М.-М. Мавраева в Темир-Хан-Шуре печатались книги по истории, медицине, филологии, издавалась газета «Джаридату Дагестан» [37]. Известный просветитель и лексикограф Абусупиян Акаев издал серию многоязычных словарей (арабско-кумыкско-аварско-русский), который был переиздан в 1915 г. [38, с. 440]. Наряду с религиозной литературой в типографии М. Мавраева печатались произведения авторов, которые отражали «глубинные, мировоззренческие, идейно-художественные изменения» [39, с. 819], происшедшие в творчестве дагестанских писателей и поэтов, чьи художественные произведения представляли собой реалистическое осмысление явлений действительности, привлекали внимание общества к социальным и нравственным проблемам.

О наличии социального запроса на литературу на арабском и национальных языках народов Дагестана указывает тот факт, что самым прибыльным из всех направлений коммерческой деятельности М.М. Мавраева была издательская. С недвижимого имущества предприниматель получал 220 рублей, с товаро-промышленных предприятий – 650 рублей, типография приносила 3 тыс. рублей ежегодно [1, с. 140].

Либеральная светская интеллигенция выступала за необходимость активного изучения в Дагестане русского языка, приобщению к русской культуре. М. Кажлаев в газете «Кавказ» писал: «Надо показать нашему бедному, рассеянному по всей России за куском хлеба, народу, что ни «русская школа», ни «русская наука» не могут испортить нас, как многие из них еще и теперь думают»¹².

Царской правительство в начале века инициировало открытие в области школ с профессиональным уклоном [34, с. 137]. В то же самое время М.Б. Абдуллаев, учитель из Темир-Хан-Шуры, считал, что дагестанцы должны получать широкое общее образование, а создание вместо существующих общеобразовательных школ, школ профессионального характера станет «мотыжением тех молодых ростков, которое сумело пустить наше убогое просвещение»¹³.

В печати широко обсуждались и общественно-политические проблемы: отношение к военно-народному управлению, формах участия в политической жизни и способах формирования местных политических элит.

В 1909 г. Саид Габиев опубликовал в журнале «Мусульманин» статью «На Гунибе», в которой задал вопрос: «Когда же Дагестану было лучше: тогда ли, когда Великий Шамиль до последнего изнеможения отстаивал независимость горцев, или под властью России? Оставаясь беспристрастным, можно дать ответ только такой: как ни безотрадно настоящее положение горцев с

¹² Заря Дагестана. 28 февраля 1912 г.

¹³ Заря Дагестана. 31 марта 1912 г.

анахроническим, бессмысленным Военно-народным управлением, разрушающим самые здоровые части народного организма, все же теперь лучше. Пусть же этот день, 25 августа 1909 года, будет праздником не только победителя, упорным долгим трудом усмирившего беспокойных соседей, но и всех кавказских горцев, для которых с этого дня должна начаться новая эпоха культурного и экономического процветания [25, с. 220].

Даниял Апашев, будущий руководитель Горского правительства, выступил в «Дагестанских областных ведомостях» со статьей «О мировых посредниках». Приветствуя отмену зависимых отношений в области как начало «новой эры вполне свободной гражданственности в Дагестане», он отметил важность привлечения к государственной деятельности дагестанцев, «получивших не только среднее, но высшее образование, и создавших себе прочное служебное положение», как людей, близко знакомых с бытом и особенностями жизни местного населения, «которые как верные сыны своей родины выступят устроителями судьбы темного населения с сознанием выполненного священного долга»¹⁴.

Февральская революция поставила местные политические элиты и все дагестанское общество перед необходимостью стратегического выбора путей развития государства. Дагестанскому обществу были предложены два пути интеграции – национальный и конфессиональный.

Махач Дахадаев в газете «Время» писал: «Революция уничтожила средостение между угнетенными народностями и русским народом, парализовало центробежные устремления недержавных национальностей и своим величием приковало их к сердцу России. Не отказываясь и желая самоопределения, каждая народность спешит теснее сомкнуть свои ряды с российской демократией, не отставая от лозунгов и принципов ее. Не штыками, нагайками и кулаком российская демократия сроднится с Дагестаном, а пробуждением сознания народа. Объявляю громко, во всеуслышание, что я самый рьяный сторонник Российской государственной идеи и ориентируюсь на революционную Россию. Никакой другой ориентации не признаю»¹⁵.

Дагестанское просветительно-агитационное бюро, «объединившее интеллигентную молодежь для облегчения трагического положения нашего края» выступило с идеей выделения горцев Северного Кавказа: дагестанцев, лезгин Кубинского уезда и горцев Закатальского округа в особую федеративную единицу в рамках Демократической федеративной Российской республики¹⁶.

Видный религиозный деятель, шейх Алигаджи Акушинский писал: «Дагестан желает продолжить жить своей жизнью, в ожидании разрешения в процессе революции общегосударственной ее формы, в выработке каковой он вправе участвовать с другими российскими народностями» [5, с. 164].

На основе общности религии предлагали государственное строительство лидеры «Союза объединенных горцев Кавказа»: «... у нас есть моменты,

14 Апашев Д. Мировой посредник // Дагестанские областные вести. 28 августа 1913 г.

15 Темные силы не дремлют // Газета «Время». 3 апреля 1917 (2).

16 Победное ликование революции прошло // Газета «Время». 24 мая 1917 г. №5

затрудняющие нашу работу, например, разность языка, но вместе с тем, мы имеем могучие цементирующие нас факторы: религию, право, условия экономического быта» [22, с. 145].

Победа Октябрьской революции в 1917 г. привела к формированию в Дагестане двух конфликтующих между собой идеологических и идейно-политических течений: Н. Гоцинский с идеей возрождения имамата и установления шариатского государства и социалисты - Уллубий Буйнакский, Кази-Магомед Агасиев, Махач Дахадаев, Дж. Коркмасов, А. Тахо-Годи, С. Габиев с идеей построения социалистического общества, идеологическим обоснованием которого было социальное равенство и справедливость, основанные на общественной (социалистической) собственности. Эти два направления представляли две идеологии, две культуры, каждая из которых по определению нидерландского философа И. Хейзинги, была «способна подчинить свою жизнь идеалу, какого бы свойства он не был» [40, с. 6].

У. Буйнакский писал: «Дагестан сейчас переживает сложную внутреннюю борьбу. Она соответствует местному «колориту» и ведется на несколько новых началах. В то время, когда у других происходит нормальная классовая борьба ради освобождения трудового народа, у нас сначала идет движение под временным восстановлением старого – того, что было приблизительно до завоевания страны» [41, с. 297].

В сентябре 1920 г. в горах Дагестана вспыхнуло восстание горцев, которое возглавил Н. Гоцинский, его целью было создание в национальных районах Северного Кавказа теократического государства – имамата, или, в крайнем случае, предоставления местным народам права автономного управления на принципах шариата [42, с. 112; 43, с. 73].

А. Цаликов, один из лидеров Горской республики, объяснял шариатизм современной ему стадии горского движения стремлением народа исходить из присущих ему национально-бытовых и религиозно-моральных моментов. «Шариатизм – это первая стадия национально-демократического движения горцев. Когда начнется национально-государственное строительство горских народов, шариат должен стать одним из формирующих его моментов. Только при этом условии это строительство получит естественный характер и будет санкционировано народной совестью. Конечно, это будет не тот схоластический шариат, который муллы и шейхи старой закваски выдвигали как плотину против всяких новшеств, а шариат, очищенный от рутины, строго согласованный с требованиями демократии и прогресса¹⁷.

Указывая на движущие силы общественных переворотов, Огюстен Тьерри писал: «Народные массы, когда они приходят в движение, не отдают себе отчета в той силе, которая их толкает. Они идут, движимые инстинктом, и продвигаются к цели, не пытаясь ее точно определить. Если судить поверхностно, то можно подумать, что они слепо следуют частным интересам какого-нибудь вождя, имя которого только и останется в истории. Но эти имена получают известность

17 Цаликов А. «Шариатизм горского движения» // «Вольный горец». 20 ноября 1919 г.

только потому, что они служат центром притяжения для большого количества людей [44, с. 255].

Как отмечал А. Даниялов в работе «Строительство социализма в Дагестане, «Социалистическая революция победила в Дагестане раньше, чем сформировался местный промышленный рабочий класс, который мог непосредственно влиять на крестьянскую бедноту. И поэтому в местных условиях диктатура пролетариата вначале утвердилась в форме крестьянских советов» [45, с. 38]. Крестьянские советы Дагестана - это сельские общества, в которых «сплочению сельского общества способствовало соблюдение принципа приоритета интересов джаммаата над интересами частными, а также преимущественное право малоимущих и бедных на вспоможение за счет вакуфа и закята» [46, с. 53].

Ко времени установления Советской власти сельские общества Дагестана сохраняли единые ценности, образцы поведения, традиционные структуры и институты, и консолидация основной части населения связана была с минимизацией социальной напряженности и функционированием механизмов социальной солидарности и сплочения.

Основопологающим принципам марксизма была непримиримая классовая борьба и диктатура пролетариата. Незрелость капиталистических отношений и, как следствие, отсутствие резкой социальной дифференциации, несмотря на общую бедность населения, не стала фактором нестабильности. Основоволожник теории бедности П. Таусенд считал, что людей можно назвать бедными, когда у них не хватает ресурсов для получения питания, жилья, услуг и жизнедеятельности, привычной, или, по крайней мере, широко распространенной и одобряемой обществом, в котором они живут. Эту же мысль высказал Л. Толстой: «Нет таких условий, к которым человек не мог бы привыкнуть, в особенности, если он видит, что все окружающие живут также».

Сохранение сельской общины как социальной структуры, сочетание норм обычного права и шариата как форм регуляции общественной жизни в них, мусульманская школа диктовали необходимость сохранения традиционных правил, норм, иерархии власти и этим способствовали сохранению традиционных элементов в политической культуре дагестанцев.

В разгар борьбы с восставшими горцами 13 ноября 1920 г. в Темир-Хан-Шуре был созван Чрезвычайный съезд народов Дагестана. Нарком по делам национальностей И.В. Сталин, провозглашая Дагестанскую республику, особо отметил следующее: «Нам сообщают, что среди дагестанских народов шариат имеет серьезное значение. До нашего сведения также дошло, что враги советской власти распространяют слухи, что советская власть запрещает шариат. Я здесь от имени от имени правительства РСФСР уполномочен заявить, что эти слухи неверны. Правительство России предоставляет каждому народу полное право управляться на основании своих законов и обычаев. Советское правительство считает шариат таким же правомочным, обычным правом, какое имеется и у других народов, населяющих Россию. Если дагестанский народ желает сохранить свои законы и обычаи, то они должны быть сохранены» [47, с. 395-396].

Политическая культура как ценностно-нормативная система, обеспечивающая устойчивость политической системы в Дагестанской области Российской империи была связана, прежде всего, с тем, что в ней были объединены народы с общими социально-культурными характеристиками, однотипной общественно-политической структурой. Ко времени падения самодержавия и создания новой политической системы Дагестанской автономной республики, несмотря на процессы трансформации политических институтов и изменений в социальной структуре, дагестанские народы сохранили традиционные составляющие политической культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

REFERENCES

1. Губаханова Р.А. Государственные учреждения в Дагестане в пореформенный период // Государства и государственные учреждения в дореволюционном Дагестане. Махачкала, 1989. С. 140–153.
2. Акты, собранные Кавказской археологической комиссией. Т. 1 – 12. Тифлис, 1886 – 1904 Т. 12. Тифлис, 1904. С. 1371.
3. Рамазанов А.Х. Россия и Дагестан в XIX – начале XX в.: государственно-политические, социально-экономические и культурные взаимовлияния. Махачкала. 2003.
4. Губаханова Р.А. К вопросу об организации управления Дагестаном во второй половине XIX в. // Из истории дореволюционного Дагестана. Махачкала, 1976. С. 102–124
5. Магомедханов М.М. Дагестанцы: вехи этносоциальной истории. Махачкала. 2007.
6. Агларов М.А. Андийцы: историко-этнографическое исследование. Махачкала: Юпитер, 2002. – 304 с.
7. Труженникова Л.А. Дагестан в процессе трансформационных процессов в России (вторая половина XIX – начало XX в. // Научные ведомости. 2016. №15 (236) С.117
8. История Дагестана с древнейших времен до наших дней: в 2 т. / Рос. акад. наук, Дагестан. науч. центр, Ин-т истории, археологии и этнографии; редкол.: А. И. Османов (отв. ред.) и др. XX век. Т. II. М., 2005.
9. Леонтович Ф.И. Адамы кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Вып. I. Одесса, 1882.
10. Очерки истории Дагестана. Махачкала. 1957. Т. I. С.243-244.
11. Магомедханов М.М., Гарунова С.М., Баканов А.В. Религиозно-правовые аспекты

1. Gubakhanova RA. *State institutions in Dagestan in the post-reform period. States and state institutions in pre-revolutionary Dagestan* [Gosudarstvennye uchrezhdeniya v Dagestane v poreformennyi period. Gosudarstva i gosudarstvennye uchrezhdeniya v dorevoljucionnom Dagestane]. Makhachkala, 1989:142. (In Russ)
2. Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission [Akty, sobrannye Kavkazskoi arkheograficheskoj komissiei]. Vol. 1-12. Tiflis, 1886-1904; Vol. 12., Tiflis, 1904. p. 1371. (In Russ)
3. Ramazanov AKh. *Russia and Dagestan in the 19th – early 20th centuries: state-political, socio-economic and cultural mutual influences* [Rossiya i Dagestan v XIX – nachale XX v.: gosudarstvenno-politicheskie, sotsialno-ekonomicheskie i kulturnye vzaimovlianiya]. Makhachkala, 2003. (In Russ)
4. Gubakhanova RA. *To the question of the organization of administration of Dagestan in the second half of the 19th century. From the history of pre-revolutionary Dagestan* [K voprosu ob organizatsii upravleniya Dagestanom vo vtoroi polovine XIX v. Iz istorii dorevoljucionnogo Dagestana]. Makhachkala, 1976:102-124. (In Russ)
5. Magomedkhanov MM. *Dagestanis: milestones of ethnosocial history* [Dagestantsy: vekhi etnocotsialnoi istorii]. Makhachkala, 2007. (In Russ)
6. Aglarov MA. *Andi people: a historical and ethnographic study* [Andiitsy: istoriko-etnograficheskoe issledovanie]. Makhachkala, 2002:65-66. (In Russ)
7. Truzhennikova LA. Dagestan in the process of transformational processes in Russia

управления Дагестанской областью Российской империи // Исторические науки. 2018. № 4. С. 5–10.

12. Бобровников В.О. Судебно-административная реформа 1860-1868 гг. // Ислам в России и Евразии. М.: Марджани, 2009.

13. Магомедханов М.М. Общедагестанская идентичность: этнокультурный аспект // Дагестан и Северный Кавказ в культурно-историческом измерении. Махачкала, 2012. С. 426-441.

14. Муртузалиев А.М. Дагестанско-турецкие культурные связи XVII – начала XX века: общая картина развития традиции // Дагестан на перекрестке культур и цивилизаций: гуманитарный контекст. М., 2011. С. 449-466.

15. Гусейнов А. Наставление моим братьям по вере. Темир-Хан-Шура. 1868. На авар. яз

16. Муртузалиев А.М. Историческая и социально-культурная характеристика дагестанской диаспоры Турции (вторая половина XIX – начало XX века) // Горизонты современного гуманитарного знания. 2008. С. 754-761.

17. Магомедханов М.М. Дагестанцы в Турции. Махачкала, 1997.

18. Далгат Э.М. Образование Дагестанской области – важная веха в истории народов Дагестана // Дагестан в составе Российской государства: от Дагестанской области до Республики Дагестан. Материалы республиканской научной конференции, посвященной 150-летию образования Дагестанской области и 90-летию образования Дагестанской АССР. Махачкала, 2011. С. 11–16.

19. Егорова В.П. К вопросу о сельском управлении в Дагестане после присоединения к России // Вопросы истории и этнографии Дагестана. Махачкала, 1970. Вып. 1. С. 101–109.

20. Мирзабеков М.Я. Административно-территориальное устройство Дагестана во второй половине XIX – нач. XX вв. // История, археология и этнографии Кавказа. 2014. №2. С. 79–92.

21. История многовековых взаимоотношений и единения народов Дагестана с Россией. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2009. – 750 с.

22. Исаев А.А. Научное наследие А.А. Тахо-Годи. Махачкала. 2006

23. Памятники обычного права Дагестана. Махачкала. 1965.

(the second half of the 19th – the beginning of the 20th century [Dagestan v protsesse transformatsionnykh protsessov v Rossii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.]. *Nauchnye Vedomosti*. 2016; 15(236):117.

8. *History of Dagestan*. Vol. II. Moscow, 2005.

9. Leontovich FI. *Adats of the Caucasian highlanders. Materials on customary law of the North and East Caucasus [Adaty kavkazskikh gortsev. Materialy po obychnomu pravu Severnogo i Vostochnogo Kavkaza]*. Issue I. Odessa, 1882. (In Russ)

10. *Studies on the history of Dagestan [Ocherki istorii Dagestana]*. Makhachkala, 1957:243-244. (In Russ)

11. Magomedkhanov MM, Garunova SM, Bakanov AV. Religious and legal aspects of the management of the Dagestan region of the Russian Empire [Religiozno-pravovye aspekty upravleniya Dagestanskoj oblasti Rossijskoj imperii]. *Istoricheskie Nauki*. 2018;4:5-10. (In Russ)

12. Bobrovnikov VO. *Judicial-administrative reform 1860-1868. Islam in Russia and Eurasia [Sudebno-administrativnaya reforma 1860-1868 gg. Islam v Rossii i Evrazii]*. Moscow: Marjani, 2009. (In Russ)

13. Magomedkhanov MM. *General Dagestan identity: ethno-cultural aspect. Dagestan and the North Caucasus in the cultural and historical dimension [Obshchedagestanskaya identichnost: etnokulturnyi aspekt. Dagestan i Severnyi Kavkaz v kulturno-istoricheskom izmerenii]*. Makhachkala, 2012:426-441. (In Russ)

14. Murtuzaliev AM. *Dagestan-Turkish cultural relations of the 17th – early 20th centuries: a general picture of the development of tradition. Dagestan at the crossroads of cultures and civilizations: a humanitarian context [Dagestansko-turetskie kulturnye svyazi XVII – nachala XX veka: obshchaya kartina razvitiya traditsii. Dagestan na perekrestke kultur i tsivilizatsii: gumanitarnyi kontekst]*. Moscow, 2011:449-466. (In Russ)

15. Guseynov A. *Instruction to my brothers in faith [Nastavlenie moim bratyam po vere. Temir-Khan-Shura]*. Temir-Khan-Shura, 1868. (In Avar).

16. Murtuzaliev AM. Historical and socio-cultural characteristics of the Dagestan diaspora in Turkey (the second half of the 19th – early 20th

24. Османов М.-З.О. Хозяйственно-культурные типы (ареалы) Дагестана в советскую эпоху: закономерности развития и трансформации, вымывание традиционных форм. М.: Наука, 2002. – 222 с.
25. Габиев С.И. Избранные труды. Махачкала, 2001.
26. Далгат Э.М. Крестьянское движение в Дагестане в период развития капиталистических отношений // Проникновение и развитие капиталистических отношений в Дагестане. Махачкала, 1984. С. 104–121.
27. Далгат Э.М. Крестьянство Дагестана на рубеже XIX–XX вв. Махачкала, 2000.
28. П.А. Столыпин. Переписка. – М.: РОССПЭН, 2004. – 704. с
29. Исмаил-заде Д.И. Граф И.И. Воронцов-Дашков – Наместник Кавказский. М., 2005.
30. Магомедханов М.М. Языковая политика в полилингвистическом Дагестане. Досоветский период. Социалистический опыт. Постсоветское время // Дагестан на перекрестке культур и цивилизаций. М.: Наука, 2011. С. 204–216.
31. Ибрагимова З.Б., Магомедова З.А. Дагестанские богословы о переселенческом движении мусульман Кавказа в конце XIX – начале XX в. // Манускрипт. Тамбов: Грамота, 2019. Т. 12. Вып. 12. С. 50–53.
32. Наврузов А.Р. Джаридат Дагистан – арабоязычная газета кавказских джадидов. М.: Маржани, 2012.
33. Казбекова З.Г. Европейское восприятие дагестанской советской литературы // Дагестан на перекрестке культур и цивилизаций. М.: Наука, 2011. С. 641–666.
34. Каймаразов Г.Ш. Очерки истории культуры народов Дагестана М., 1971.
35. Отчет о деятельности общества просвещения туземцев-мусульман Дагестанской области за время открытия общества 21 октября 1905 года по 1 января 1907 года. Темир-Хан-Шура, 1907.
36. Каймаразов Г.Ш. Мусульманская система образования в Дагестане // Ислам и исламская культура в Дагестане. М. Наука 2011. С. 116–129.
37. Исаев А.А. Магомедмирза Мавраев – первопечатник и просветитель Дагестана. Махачкала, 2003. – 239 с.
- centuries) [Istoricheskaya i sotsialno-kulturnaya kharakteristika dagestanskoi diasporы Turtsii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka)]. *Horizons of modern humanitarian knowledge [Gorizonty sovremennogo gumanitarnogo znaniya]*. 2008:754-761. (In Russ)
17. Magomedkhanov MM. *Dagestanis in Turkey [Dagestantsy v Turtsii]*. Makhachkala, 1997.
18. Dalgat EM. *The formation of the Dagestan region is an important milestone in the history of the peoples of Dagestan. Dagestan as part of the Russian state: from the Dagestan region to the Republic of Dagestan. Proceedings of the republican scientific conference dedicated to the 150th anniversary of the formation of the Dagestan region and the 90th anniversary of the formation of the Dagestan ASSR [Obrazovanie Dagestanskoi oblasti – vazhnaya vekha v istorii narodov Dagestana . Dagestan v sostave Rossiiskoi gosudarstva: ot Dagestanskoi oblasti do Respubliki Dagestan. Materialy respublikanskoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 150-letiyu obrazovaniya Dagestanskoi oblasti i 90-letiyu obrazovaniya Dagestanskoi ASSR]*. Makhachkala, 2011. (In Russ)
19. Egorova VP. On the issue of rural management in Dagestan after joining Russia [K voprosu o selskom upravlenii v Dagestane posle prisoedineniya k Rossii]. *Questions of the history and ethnography of Dagestan [Voprosy istorii i etnografii Dagestana]*. Makhachkala, 1970;(1):101-109. (In Russ)
20. Mirzabekov MYa. The administrative-territorial structure of Dagestan in the second half of the XIX – early XX centuries [Administrativno-territorialnoe ustroistvo Dagestana vo vtoroi polovine XIX – nach. XX vv.]. *History, archeology and ethnography of the Caucasus*. 2014;2: 79-92. (In Russ)
21. *The history of the centuries-old relationship and unity of the peoples of Dagestan with Russia [Istoriya mnogovekovykh vzaimootnoshenii i edineniya narodov Dagestana s Rossiei]*. Makhachkala, 2009. (In Russ)
22. Isaev AA. *Scientific heritage of A.A. Taho-Godi [Nauchnoe nasledie A.A. Taho-Godi]*. Makhachkala. 2006. (In Russ)
23. *Monuments of customary law of Dagestan [Pamyatniki obychnogo prava Dagestana]*. Makhachkala, 1965. (In Russ)
24. Osmanov MO. *Economic and cultural types (areas) of Dagestan in the Soviet era:*

38. Абдуллаев И.Х. Из истории дагестанской лексикографии. Горизонты гуманитарного знания. М., 2008. с. 440.

39. Юсупова Ч.С. Творчество Махмуда из Хахаб-Росо в российском контексте // Дагестан на перекрестке культур и цивилизаций: гуманитарный контекст. М., 2011. С. 816-837.

40. Карадже Т.В. Политическая культура как система: содержание, структура и принципы функционирования // Политическая культура как явление общественной жизни и объект социально-политического анализа. Москва. 2014. С. 4–26.

41. Гайдарбекова Б.К. Вопросы революций 1917 г. в дагестанской исторической науке // Россия и Дагестан: история многовековых взаимоотношений и единения. Материалы республиканской научной конференции, посвященной окончательному присоединению Дагестана к России. Махачкала, 2010.

42. Даудов А.Х., Месхидзе Д.И. Национальная государственность горских народов Северного Кавказа (1917-1924). СПб., Изд-во. С.-Петербург. ун-та, 2009.

43. Каймаразов Г.Ш., Каймаразова Л.Г. К вопросу об установлении Советской власти в Дагестане // История, археология и этнография Кавказа. Т. 14. №4. 2018. С. 63–77.

44. Тьерри О. Избранные сочинения. М.: Соцэгиз, 1937.

45. Даниялов А.Д. Строительство социализма в Дагестане. М.: Главная редакция восточной литературы, Издательство «Наука», 1975.

46. Магомедханов М.М., Рамазанова З.Б. Трансформация традиций землепользования в Нагорном Дагестане: исторический опыт и социально-экономический эффект // Региональные проблемы преобразования экономики. 2016. №12 (74). С. 56-62.

47. Сталин И.В. Сочинения. Т. 4. М., 1947.

patterns of development and transformation, washing out of traditional forms [Khozyaistvenno-kulturnye tipy (arealy) Dagestana v sovetskuyu epokhu: zakonomernosti razvitiya i transformatsii, vymyvanie traditsionnykh form]. Moscow: Nauka, 2002. (In Russ)

25. Gabiev SI. *Selected works [Izbrannye trudy].* Makhachkala, 2001. (In Russ)

26. Dalgat EM. *Peasant movement in Dagestan during the development of capitalist relations. Penetration and development of capitalist relations in Dagestan [Krestyanskoe dvizhenie v Dagestane v period razvitiya kapitalisticheskikh otnoshenii. Proniknovenie i razvitie kapitalisticheskikh otnoshenii v Dagestane].* Makhachkala, 1984. (In Russ)

27. Dalgat EM. *Peasantry of Dagestan at the turn of the XIX-XX centuries [Krestyanstvo Dagestana na rubezhe XIX–XX vv.].* Makhachkala, 2000. (In Russ)

28. Stolypin PA. *Correspondence.* Moscow: ROSSPEN, 2004. (In Russ)

29. Ismail-zade D.I. *Count I.I. Vorontsov-Dashkov – Viceroy of the Caucasus [Graf I.I. Vorontsov-Dashkov – Namestnik Kavkazskii].* Moscow, 2005. (In Russ)

30. Magomedkhanov MM. *Language policy in polylinguistic Dagestan. Pre-Soviet period. Socialist experience. Post-Soviet time. Dagestan at the crossroads of cultures and civilizations [Yazykovaya politika v polilingvisticheskom Dagestane. Dosovetskii period. Sotsialisticheskii opyt. Postsovetskoe vremya. Dagestan na perekrestke kultur i tsivilizatsii].* Moscow: Nauka, 2011:204-216. (In Russ)

31. Ibragimova ZB, Magomedova ZA. Dagestan theologians about the resettlement movement of Muslims of the Caucasus in the late 19th – early 20th centuries [Dagestanskii bogoslovy o pereselencheskom dvizhenii musulman Kavkaza v kontse XIX – nachale XX v.]. *Manuscript.* Tambov: Gramota, 2019, 12(12):52. (In Russ)

32. Navruzov AR. *Jaridat Dagistan as an Arabic-language newspaper of Caucasian Jadids [Dzharidat Dagistan – araboyazychnaya gazeta kavkazskikh dzhadidov].* Moscow: Marzhani, 2012. (In Russ)

33. Kazbekova ZK. *European perception of Dagestan Soviet literature. Dagestan at the crossroads of cultures and civilizations [Evropeiskoe vospriyatie dagestanskoi sovetskoi*

Статья поступила в редакцию 24.11.2021 г.

literatury. Dagestan na perekrestke kultur i tsivilizatsii]. Moscow: Nauka, 2011. (In Russ)

34. Kaimarazov GSh. *Studies on the history of the culture of the peoples of Dagestan [Ocherki istorii kultury narodov Dagestana]*. Moscow, 1971. (In Russ)

35. *Report on the activities of the society for the education of Muslim natives of the Dagestan region during the opening of the society on October 21, 1905 to January 1, 1907 [Otchet o deyatelnosti obshchestva prosveshcheniya tuzemtsev-musulman Dagestanskoi oblasti za vremya otkrytiya obshchestva 21 oktyabrya 1905 goda po 1 yanvaryu 1907 goda]*. Temir-Khan-Shura, 1907. (In Russ)

36. Kaimarazov GSh. Muslim education system in Dagestan. [Musulmanskaya sistema obrazovaniya v Dagestane] *Islam and Islamic culture in Dagestan*. Moscow: Nauka, 2011:116-129. (In Russ)

37. Isaev AA. *Magomedmirza Mavraev – pioneer printer and educator of Dagestan [Magomedmirza Mavraev – pervopechatnik i prosvetitel Dagestana]*. Makhachkala, 2003. (In Russ)

38. Abdullaev IKh. From the history of Dagestan lexicography [Iz istorii dagestanskoi leksikografii. Gorizonty gumanitarnogo znaniya] *Horizons of humanitarian knowledge*. Moscow, 2008:440. (In Russ)

39. Yusupova ChS. *The work of Mahmud from Kahab-Roso in the Russian context. Dagestan at the crossroads of cultures and civilizations: humanitarian context [Tvorchestvo Makhmuda iz Kakhab-Roso v rossiiskom kontekste. Dagestan na perekrestke kultur i tsivilizatsii: gumanitarnyi kontekst]*. Moscow, 2011:816-837. (In Russ)

40. Karadzhe TV. *Political culture as a system: content, structure and principles of functioning. Political culture as a phenomenon of social life and an object of socio-political analysis [Politicheskaya kultura kak sistema: sodержanie, struktura i printsipy funktsionirovaniya. Politicheskaya kultura kak yavlenie obshchestvennoi zhizni i ob"ekt sotsialno-politicheskogo analiza]*. Moscow, 2014;6:4–26. (In Russ)

41. Gaidarbekova BK. *Issues of the revolutions of 1917 in Dagestan historical science. Russia and Dagestan: the history of centuries-old relationships and unity. Proceedings of the republican scientific conference dedicat-*

ed to the final accession of Dagestan to Russia [Voprosy revolyutsii 1917 g. v dagestanskoi istoricheskoi nauke Rossiya i Dagestan: istoriya mnogovekovykh vzaimootnoshenii i edineniya. Materialy respublikanskoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi okonchatelnomu prisoyedineniyu Dagestana k Rossii]. Makhachkala, 2010:297. (In Russ)

42. Daudov AKh, Meskhidze DI. *National statehood of the mountain peoples of the North Caucasus (1917-1924) [Natsionalnaya gosudarstvennost gorskikh narodov Severnogo Kavkaza (1917-1924)]*. St Petersburg: SPBU Press, 2009:112.

43. Kaimarazov GSh, Kaimarazova LG. On the issue of establishment of the Soviet rule in Dagestan and the formation of the Dagestan ASSR [K voprosu ob ustanovlenii Sovetskoi vlasti v Dagestane]. *History, archeology and ethnography of the Caucasus*. 2018, 14(4):73.

44. Thierry O. *Selected works*. Moscow: Sotsgegiz, 1937.

45. Daniyalov AD. *Building socialism in Dagestan [Stroitelstvo sotsializma v Dagestane]*. Moscow: Nauka, 1975. (In Russ)

46. Magomedkhanov MM, Ramazanova ZB. Transformation of land use traditions in Nagorny Dagestan: historical experience and socio-economic effect [Transformatsiya traditsii zemlepolzovaniya v Nagornom Dagestane: istoricheskii opyt i sotsialno-ekonomicheskii efekt]. *Regional problems of transformation of the economy*. 2016,12(74):56-62. (In Russ)

47. Stalin JV. *Works*. Moscow, 1947;(4):395-396. (in Russ)